

Н. И. Стеблин-Каменский

ТОСКА ПО РОДИНЕ, НАСИЛИЕ И ПРОСТИТУЦИЯ: АМХАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3А

Ежемесячно тысячи людей уезжают из Эфиопии, чтобы работать в странах Персидского залива. Эта вовлеченность эфиопов в трудовую миграцию отражается на их современной культуре. О миграции слагаются стихи, снимаются фильмы. В статье я рассматриваю, каким образом миграция описывается в художественной литературе. Оба произведения, на которых базируется анализ, воспроизводят негативный дискурс о миграции, основанный на концепте *сыддэт* (амх. «миграция, изгнание»). Страдания эфиопов за рубежом являются главной идеей произведения, и никто из героев книг не отражает пример удачной миграции. На мой взгляд, в амхарских произведениях о миграции конструируется новая эфиопская идентичность в глобальном мире, которая основана на идее общей национальной трагедии. Хотя авторы часто являются представителями диаспоры, произведения, построенные на идее *сыддэт*, востребованы внутри страны, так что «изгнание» становится важнейшим элементом эфиопской идентичности. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: трудовая миграция, дискурс о миграции, национализм, Эфиопия, художественная литература.

HOMESICKNESS, VIOLENCE AND PROSTITUTION: AMHARIC LITERATURE ON LABOUR MIGRATION TO THE GULF STATES

N. I. Steblin-Kamenskiy

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, 3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The European University at St. Petersburg, 3, Gagarinskaia Str., St. Petersburg, 191187, Russian Federation

Thousands of people are leaving Ethiopia monthly to be employed in the Gulf states. This involvement of Ethiopians in labor migration shapes the modern culture of the country. There are hundreds of songs, poems and movies based on the concept of *siddet* — an Amharic term which can be roughly translated as migration or exile. In this paper the way in which labor migration is presented in Amharic fiction is analysed. Two Amharic novels taken for the research (“Thorny gold” by Saada Muhammed and “Alemnesh, a refugee in the Middle East” by Melake Teezazu) appear to reproduce the negative discourse on migration. Thus, stories about successful migration are absent making suffering of compatriots the major topic of the narration. I argue that the concept of *siddet* manages to create a new transnational Ethiopian identity, based on the idea of common national tragedy. Although the culture of exile is mostly created by the diaspora, it is in demand among those how stay behind. Refs 17.

Keywords: labour migration, discourse on migration, nationalism, Ethiopia, fiction.

Согласно последним данным, в Эфиопии проживает около ста миллионов человек [1], что делает ее второй в Африке страной по количеству жителей после Нигерии. Несмотря на продолжительный «двузначный» рост экономики страны, государство не может обеспечить всех желающих работой, а деградация почвы

и нехватка плодородной земли делают сельское хозяйство непривлекательным для молодежи. Представления людей о достойной жизни, которые отчасти формируются глобальными СМИ, конфликтуют с их реальными возможностями. Например, чтобы накопить достаточно денег для покупки смартфона, официантка из провинциального города должна откладывать всю свою зарплату в течение нескольких лет. Конечно, это невозможно, ведь есть другие насущные расходы: еда, одежда, украшения. В таких условиях люди начинают задумываться о тех возможностях, которые им даст работа за границей. Впрочем, на поездку люди решаются не только ради личных потребностей, но и ради семьи. Наиболее частые инвестиции — покупка земли в городе, строительство нового дома, открытие бизнеса, спонсирование обучения младших братьев и сестер или финансирование их миграции.

Начиная с 1991 г. все больше людей едут из Эфиопии на заработки в различные страны Среднего Востока. Ливан, Саудовская Аравия, ОАЭ и многие другие страны становятся местами, где значительную часть своей жизни проводят приезжие рабочие из Эфиопии. В амхарском языке эти страны часто обобщенно называют **ዓረብ ሀገር** (амх. «арабская страна»). Почти во всех странах, куда едут работать из Эфиопии, действует система кафалы¹, которая дает работодателю почти бесконтрольную власть над работником. Например, человек не имеет права сменить работу или уехать из страны без согласия своего кафеля (поручителя). Работа вне этой системы считается нелегальной, но дает большую мобильность, возможность зарабатывать и даже безопасность [3]. Работа по контракту через систему кафалы доступна для женщин (они устраиваются домработницами или нянями) или для людей, имеющих подходящую квалификацию (чаще всего водители или строители). Для остальных остаются только нелегальные пути проникновения в страны Залива.

Для целей статьи я вынужден ограничиться только самыми общими сведениями о миграции, чтобы изобразить тот контекст, на фоне которого разворачивается тема миграции в эфиопской художественной культуре. Трудовая миграция и в общем жизнь за рубежом спровоцировала невероятное количество публичных высказываний, где феномен «изгнания» (**ስደት** — *сыддэт*) был переосмыслен и сопоставлен с вопросом национального самосознания и гордости за свою страну.

Термин для обозначения миграции в амхарском языке (**ስደት** — *сыддэт*) имеет ярко выраженную негативную окраску. Его прямым значением является насильственное перемещение, ссылка. Таким образом, слово одновременно означает и «миграцию», и «изгнание», а его производное *сыддэтэня* может означать и беженца, и мигранта. В амхарском языке есть нейтральные слова, которые могли бы стать основными определениями миграции. Например, официальная пресса часто использует слово *сыддэтэня* только для беженцев, называя мигрантов *фильсэтэня*. Предпочтение, которое отдается слову *сыддэт* в массовой культуре и повседневном языке, можно объяснить тем, что негативная окрашенность этого термина позволяет подчеркнуть седентаристскую идеологию, вплетенную в эфиопский национализм: выезд из своей страны воспринимается как аномальное поведение. Другими словами, разрыв с родиной не может быть желанным. Поэтому термин *сыддэтэня* может быть использован и для успешного эфиопа, легально прожива-

¹ نظام الكفالة (араб. «система поручительства»). Из стран Персидского залива только Бахрейн официально отказался от данной системы. Подробнее о кафале можно прочитать на сайте migrant-rights.org, «Understanding kafala: an archaic law at cross purposes with modern development» [2].

ющего в Германии, и для беженца из зоны конфликта в Судане. Возможно, такое употребление закрепилось в языке в связи с тем, что исторически перемещения и переезды в другие страны часто были связаны с бедствиями, засухами или войной. Однако в современной эфиопской словесной культуре негативность *сиддэт* все чаще связывается не с реальным бедствием, а с эмоциональным переживанием человека, оторванного от Родины.

В последние годы было опубликовано много книг и записано много песен, центральной темой которых является *сиддэт*. Авторы этих произведений говорят о том, что люди решаются на поездку из-за пустых слухов, что жизнь за границей совсем не такая легкая, как кажется, что нет ничего дороже родины и семьи. Эти произведения можно изучать с разных точек зрения: можно оценивать выразительность этих текстов и мастерство стиля, можно смотреть на них как на источники информации о миграции. Я хочу сконцентрироваться на анализе содержащегося в них дискурса о миграции. Другими словами, на изучении той «реальности», которая конструируется через эти тексты как прямым утверждением чего-либо, так и отсутствием упоминания некоторых тем. К изучению дискурса существует много различных подходов, но большинство из них разделяет одну общую позицию: то, как мы говорим, не является нейтральным отражением мира, идентичностей и социальной реальности, но, напротив, играет важную роль в создании и изменении этих вещей [4, p. 1].

Рассматривая трудовую миграцию через призму экономической рациональности, исследователи часто опираются на идею *Homo economicus*, которая предполагает, что люди решаются на миграцию на основе только финансовых соображений. Экономическое неравенство между странами, конечно, играет большую роль, но все-таки этот подход упускает из виду множество других аспектов человеческой жизни [5, p. 5]. Эти упущения порой дают искаженную картину значения миграции для ее участников и приводят к политическим просчетам. Антропология делает акцент на том, что значение имеет не столько явление само по себе, сколько тот смысл, который в него вкладывают участники. Как писал классик антропологии, «значение объектов, действий и событий лежит не в них самих, но в том, что они значат для тех, кто имеет с ними дело» [6, p. 322]. Эта статья является попыткой рассмотреть, какими смыслами нагружена миграция в эфиопской художественной литературе. На возможное возражение о том, что литература не является репрезентативной и, вероятно, отражает лишь взгляды авторов, я бы ответил, что ни одно произведение не существует вне культурного контекста. Авторы — такие же пользователи языка, как и читатели. Художественная природа текстов, возможно, наоборот, усиливает некоторые аспекты дискурса, и мне кажется, что, опираясь на несколько текстов, можно судить об общей тенденции.

В статье я опираюсь на два произведения. Одно из них, «Колющее золото», вышло в 1999/2000² г. Вторая книга, «Алемнеш. Беженка в арабскую страну», была опубликована в 2013 г. Мне известно, что недавно была опубликована еще одна книга на амхарском языке о мигрантах — «Смертельное путешествие», но с ней познакомиться пока не удалось. Два произведения, по которым я сужу о миграции в амхарской литературе, довольно сильно отличаются друг от друга. Автор «Ко-

² Так как эфиопский календарь отличается от григорианского, точно установить год, если не указан месяц, невозможно. По эфиопскому летоисчислению книга опубликована в 1992 г.

лючего золота» Саада Мухаммед — женщина. К сожалению, мне не удалось найти дополнительной информации о ней, но можно предположить, что она имеет личный опыт проживания в Саудовской Аравии и владеет арабским языком. Действие книги разворачивается в Джидде и немного в Мекке на заре эфиопской трудовой миграции в страны Персидского залива в 1991 г. По жанру произведение можно отнести к реалистической драме с ее стремлением к точности описаний и интересом к актуальным проблемам общества. Тема жизни в изгнании (*сыддэт*) пронизывает повествование, но она не основная в книге. Для автора, очевидно, важным было создать захватывающее произведение со сценами насилия и погони, а миграция является будто бы фоном этого повествования. Главные герои книги — три эфиопа, вовлеченные в нелегальную деятельность (продажа алкоголя и наркотиков, сутенерство), и три эфиопки, две из которых — проститутки, а третья не работает, но и ее пытаются вовлечь в секс-индустрию. Острый сюжет построен на конфликте внутри банды наркоторговцев, в который оказываются замешаны местный торговец алкоголем и полиция. Разрешается все побегом домой в Эфиопию, но некоторым героям книги приходится расстаться с жизнью.

Автор «Алемнеш», Мэлякэ Тызазу, живет в Торонто. В отличие от «Колючего золота», «Алемнеш» почти целиком посвящена теме миграции и мигрантов, хотя у ее автора и нет личного опыта жизни в арабских странах. Его личный опыт, возможно, отражается в описании ностальгии по родине и ожиданиях родственников. Произведение имеет явный дидактический уклон, за который часто критикуют эфиопскую художественную литературу [7]. В предисловии автор признается, что приукрасил реальную историю, на которой основана книга, чтобы сделать ее интереснее. Авторский замысел также изложен в предисловии: предупредить молодежь о том, что нельзя верить пустым сплетням о райской жизни за рубежом. Это характерная черта для произведений, воспроизводящих негативное отношение к миграции, — они часто истово спорят с отсутствующим в публичной сфере голосом, который оправдывал бы миграцию. Мэлякэ Тызазу также старается сделать свое произведение максимально реалистичным, он пишет от первого лица о том, как он приехал из Канады в Эфиопию на пару недель и случайно познакомился с девушкой, история жизни которой и стала основным содержанием книги. Сама история имеет слегка наивный характер, учитывая претензию автора на реализм: героиня (именем которой названа книга) часто находит безвозмездную помощь от случайных подруг-соотечественниц, ее поступки не кажутся рациональными, и, хотя миграционный опыт оказывается негативным для героини, что служит дидактической цели автора, книгу завершает абсолютный «хеппи-энд».

Книги «Колючее золото» и «Алемнеш» написаны с разных позиций, но тем интереснее проследить, в каких местах язык описания миграции у разных авторов совпадает, а в каких нет. Для раскрытия этого обратимся к следующим, как мне кажется, ключевым темам: принятие решения уехать, описание быта в арабских странах, стереотипы о местном населении, проституция, образ родины и соотечественников, рассуждения о *сыддэт* (миграции).

Обсуждению причин трудовой миграции уделяется довольно заметное место в публичном дискурсе. Часто любой интерес к этому процессу воспринимается именно как желание понять его причины. Участники трудовой миграции считают, что у них нет другого выхода, для них это вынужденное решение. Взгляды со

стороны бывают разные: от утверждения, что едут из-за лени, чтобы побыстрее накопить денег, до представления о том, что главной причиной является желание помочь своим близким «встать на ноги». При обосновании причин миграции очень часто обращаются к понятию «бедность», но следует заметить, что сама миграция требует довольно значительных вложений со стороны семьи и наиболее бедные не могут себе позволить уехать работать в другие страны.

Саада Мухаммед приводит истории приезда всех ключевых персонажей «Ключего золота», демонстрируя довольно широкий спектр возможных мотивировок для отъезда. Позволю себе процитировать целиком некоторые из этих историй, так как в них довольно выпукло отражаются интересующие нас сюжеты. Например, в предыстории домработницы Хаят описывается не только принятие решения, но и схема финансирования поездки:

Она прокляла день, когда выехала из своей страны.

Из страны ее выгнала бедность. Ее отец тридцать лет работал шофером в компании грузоперевозок, пока его не отправили на пенсию. Чтобы прокормить шестерых детей, он построил и открыл небольшую лавочку у дома. Но это ничего не решило. В подобных условиях он начал терять надежду. Однажды вечером Хаят рассказала отцу о своем желании уехать.

— Папа, а что если бы я поехала в Джидду? — спросила она.

— Ты уже решила?

— Да, — сказала она, набравшись смелости.

Мысль Хаят обрадовала отца:

— Ну так и поедешь, — сказал он ей уверенно.

— Но на какие деньги, папочка?

— Это оставь мне, уж не забыла ли ты, что я председатель в ыддыре³? — сказал он ей, улыбнувшись.

— Ну и что?

— Необходимые расходы я покрою. А ты отправишь эти деньги мне, поработав два-три месяца.

— А если я не сразу найду работу? — спросила она, волнуясь.

Внезапный вопрос Хаят взволновал господина Алина. Если дочь будет безработной, он застрянет в долгах, члены ыддыра подадут на него в суд за растрату доверенных ему денег. Ему представилась картина, как на них обрушится бедность, а дети пойдут на улицу.

Но затем он вспомнил о своем приятеле-йеменце, шейхе Рафике, который работал посредником. Он понял, что может дочь свою устроить прямо по контракту, а не через хадж⁴.

³ እድር ሰጪድ — сообщество для совершения похорон, чаще всего организованное по территориальной близости. Этот социальный институт пронизывает все эфиопское общество. С каждой семьи, состоящей в ыддыре, раз в месяц собирается незначительная сумма денег, которые затем уходят на организацию похорон членов ыддыра. Кроме финансовых обязательств есть и моральные — все члены ыддыра должны прийти попрощаться с покойным (см.: [8]).

⁴ До 2008 г. миграция под видом религиозного паломничества была наиболее распространенным способом проникновения в страну для нелегального трудоустройства. Позже, кроме возрастного ценза и экзамена на знания основ веры, была введена строгая квота на количество виз для паломников.

Спустя еще месяц Хаят удалось уехать, она оказалась в Джидде. Вот так она уже два года работает в доме Джабира [9, p. 20].

Этот отрывок также интересен тем, что иллюстрирует относительность понятия «бедность». «Бедность» толкает Хаят на поездку, но в случае неудачной миграции положение семьи может оказаться еще более бедственным. Й. Карлинг в статье про миграцию из Кабо-Верде замечает, что люди решаются на миграцию не потому, что являются бедными, а потому, что считают себя бедными [10]. Другими словами, «бедность» можно рассматривать как явление, сконструированное социально: «бедность» определяется не количеством имущества, а сравнением своего материального положения с тем, что имеют соседи. Иллюстрацию этого мы видим в следующей цитате.

Жизнь Самиры изменилась тогда, когда она встретила со своей подругой, приехавшей к ней в гости после двух лет жизни в Саудовской Аравии. Потрясенная золотом, Ханна сообщила ей о машине, которую она отправила своей семье, о привезенных ею вещах для дома и одежде. Это захватило сердце Самиры. Ей надо было учиться еще целых два года, чтобы получить диплом бухгалтера. А затем последуют годы, когда она будет считать еле капающую зарплату. Но если бы она могла последовать выбору Ханна, она бы смогла через два года купить машину и выйти замуж за своего друга Иеремию, которого она прячет от семьи из-за того, что он христианин.

Весь следующий год она грустила. Если бы она была с Ханной, то она смогла бы уже получить хотя бы половину ее богатства. В конце концов, бросив учебу, она решила ехать. Но ее семья была против. Особенно старший брат постоянно говорил, что она должна остаться и учиться, но она не слушала его. Иереимия же ее решение поддерживал и подталкивал ее к поездке [9, p. 35].

В этом отрывке мы видим иную ситуацию: семья более состоятельная, они против отъезда Самиры. Но желание самостоятельности и давление друга оказываются сильнее. Саада Мухаммед также рассказывает о мужчинах, один из которых пересек границу нелегально, спасаясь от службы в армии. А второй оказался в Саудовской Аравии как сопроводитель девушки⁵, которая приехала под предлогом хаджа. По поддельным документам они выдавали себя за брата и сестру.

Причины и обстоятельства отъезда из Эфиопии, о которых пишет Саада Мухаммед, очень близки к реальным историям, собранным мною во время полевого исследования⁶. Давление близких и заинтересованность родителей в миграции детей — это мотивы, о которых не принято говорить, но существование которых ни у кого не вызывает сомнения. Ничего этого нет у Мэлякэ Тызасу в «Алемнеш». Хотя семья, которую он описывает, довольно бедная, родители испытывают почти

⁵ Женщина может совершить паломничество в Мекку только в сопровождении своего родственника или мужа. Фактически в лице родственника/мужа может выступать посредник со стороны, услуги которого оплачиваются.

⁶ Для исследования миграции в страны Персидского залива я совершил две поездки в Эфиопию: три месяца в начале 2014 г. и полтора месяца в конце 2015 г. Полевое исследование проходило в сельской Эфиопии, в провинции Волло. Моими информантами были как родственники мигрантов, так и те, кто недавно вернулся из стран Персидского залива.

ярость из-за желания дочери уехать. А само желание сформировалось у нее исключительно из-за «пустых слухов» о райской жизни за рубежом. Решение героини уехать выглядит даже иррациональным, так как она имеет неплохую работу в Эфиопии. В этом моменте, возможно, отражается желание автора возвести в абсолют значение слухов, ведь именно борьба с ними и вдохновляет его на написание книги, о чем он пишет в предисловии.

Обе книги изображают повседневную жизнь эфиопов в странах Персидского залива в негативном ключе. Эта жизнь полна страхов и страдания, но авторы по-разному представляют себе род этих страданий. В книге Саады Мухаммед это тяжелый труд, бесправное положение, насилие. Одной из ярких сцен, характеризующих быт трудовых мигрантов в Саудовской Аравии, является смерть Фэрида.

Это был Фэрид, который болел уже больше недели. Он не пошел в госпиталь, так как у него не было вида на жительство, а в частных клиниках высокие цены. <...>

— За углом бросьте меня. Там полицейские поднимут мой труп, — он снова закашлял, — эх, ох, мамочка моя, мечты мои невоплощенные... все кончается! — У Фэрида начала выступать пена изо рта. <...>

Четверо мужчин, отправив женщин в соседнюю комнату, закрыли тело габ⁷ и стали ждать приближения ночи. Когда наступила полночь, они взяли его и вышли.

Они прошли пустырь, откуда уже не было видно столько тусклых огней домов, и просто положили тело за мусорные ящики. Когда рассвело, Ясин позвонил в эфиопское посольство и указал место [9, p. 103–105].

Эта сцена не имеет прямого отношения к сюжету книги, что говорит о ее назначении: обрисовать общую картину мигрантского быта. Саада Мухаммед часто использует этот прием. Также как проходной сюжет в книге появляется история о полицейской облаве в кафе, где проводят время эфиопские мигранты. Истории, связанные с основными героями книги, также передают атмосферу страдания и страха. Айда становится проституткой после того, как ее насилюют дети хозяина дома, где она была домработницей. О другой домработнице Саада Мухаммед пишет: «Хаят посмотрела на скопившуюся в раковине посуду. Количество жирных кастрюль вызывало в ней чувство злости. На руках были гноящиеся раны. Она знала, что прикосновение воды сделает еще больнее» [9, p. 10].

В «Алемнеш», резко критикующей миграцию, подобные сцены почти отсутствуют. Работодатели героини оказываются вполне сносными людьми. Они выплачивают зарплату, не эксплуатируют чрезмерно, хотя работа и называется в книге тяжелой. Эмоциональные страдания, тоска по родине, отсутствие близких — вот что приводит Алемнеш к моральной деградации, наркотикам, увольнению с работы и проституции: «Ко многим эфиопам приходит тоска по родителям и дому, и они только телом в Бейруте, а умом и духом они в Эфиопии. В этой трудной ситуации нет человека, который мог бы разделить их печаль. Вот так они живут, только считая закаты и рассветы» [11, p. 234].

⁷ ገብ, gabi — эфиопская национальная одежда, представляющая собой белое полотно из хлопка с полоской орнамента на одном из краев.

В произведениях эфиопской литературы о миграции можно увидеть много примеров того, какие негативные стереотипы об арабах существуют и воспроизводятся в публичном дискурсе. Начать можно с того, что чаще всего именно работодатели-арабы являются причиной страданий и несправедливости. Художественный и развлекательный характер книг дополнительно стимулирует упрощение и карикатуризацию этого образа.

В «Колючем золоте» арабы часто изображаются жирными, жадными и глуповатыми. Встречаются и довольно комичные наблюдения, о которых трудно сказать, сделаны ли они в шутку или всерьез. Например, героиня Саады Мухаммед считает, что арабы говорят на повышенных тонах, так как они привыкли перекрикивать звуки кондиционера, холодильника, стиральной машины, блендера, фильтра для воды и кухонной плиты. Кроме того, арабы оказываются нарушителями закона и циниками в отношении собственных религиозных запретов. Один из персонажей заявляет, что в Мекке даже полиция курит гашиш и вести криминальные дела там проще, чем в Джидде. В «Колючем золоте» арабы жалуются на то, что кросскузенный брак был заключен против их желания. При этом может сложиться впечатление, что едва ли не каждый араб в Саудовской Аравии женат кросскузенным браком, что воспринимается эфиопами как недопустимое кровосмешение. Со своей кузиной развелся один из главных героев — араб Хафиз, Умар спасается от своей жены-кузины в объятьях проститутки, наконец, араб, заигрывающий с Хаят, произносит монолог, завершающийся такими словами: «Здесь женят насильно на невкусных кузинах, это тяжелая жизнь, а мы привыкли уже в Европе к свободе, развлечениям. Для нас решение этой проблемы — эфиопки сладкие, как шоколадные тортики» [9, р. 146]. Домогательства этого персонажа Хаят прерывает пощечиной.

Мэлякэ Тызазу также обращается к стереотипу о ревнивых арабских женах. Бывшая работница Абдурахмана сообщает новоприбывшей Алемнеш: «А вообще Абдурахман — благородный человек, своей жене со мной или другой женщиной он никогда не изменял, насколько я знаю. Аэтиха об этом наверняка бы узнала. Мне кажется, что причина ее паранойи в том, что по исламу мужчина может иметь двух или трех жен» [11, р. 146]. Выставление ислама чудаковатой религией можно увидеть и в том, что подруги не целуются на прощание в аэропорту — «здесь это запрещено». А в «Колючем золоте» говорится о том, что в месяц рамадан наказывают тех, кого заметят немолчащимся в часы намаза, из-за чего молодежь стремится уехать на это время из страны.

Женщины занимают важное место в обоих произведениях. Обсуждение трудовой миграции из Эфиопии в страны Персидского залива в целом характеризуется особым вниманием к женщинам. Часто «беженки» становятся главными героинями радио- и телепередач, на их проблемах фокусируют свою работу неправительственные организации, академические исследования также чаще посвящены женской стороне миграции⁸.

В обсуждаемых книгах также возникает тема проституции. Героини «Колючего золота» становятся проститутками из-за насилия со стороны работодателей⁹

⁸ См.: [12–17].

⁹ Пардис Махдави подробно объясняет, почему «нелегальная» проституция оказывается более предпочтительной для самих мигрантов, чем «легальная» работа по дому, и критикует чрезмерное внимание международного сообщества к проблеме траффкинга и проституции, предлагая

и из-за желания больше заработать. Оба автора описывают проституцию как тяжелое и рискованное занятие. Проблемным является получение денег от клиентов и постоянное насилие по отношению к девушкам. Но отношение к проституции не такое уж однозначное. В книгах описываются истории возникновения более перспективных отношений между девушками и их посетителями: друг Самиры готовится к тому, чтобы переехать с ней в Европу, любовник Айды дает ей деньги на покупку вида на жительство. Алемнеш также переезжает жить к своему клиенту. Оправдание проституции можно увидеть и в монологе Айды. Уговаривая Хаят присоединиться к их делу, она говорит о том, что, являясь женщиной за границей, она имеет только два пути: оставаться игрушкой у друга эфиопа, который только притворяется, что ищет ей работу, а сам не хочет отпускать ее от себя, или же стать самостоятельной девушкой, выбрав их путь «торговли». Но взгляд на проституцию как на грязное занятие доминирует, что отражается, например, в нравственных метаниях сутенера Фесхи.

Ему было стыдно, что он хапает себе деньги, сводя с клиентами таких, как Айда. Он отправляет на смерть своих сестер, а сам, ничем не рискуя, имеет свою долю. Но что поделать? Это его хлеб. А на родине его сестра, бездельничая, ждет его помощи. Покойный муж оставил ее с четырьмя детьми и не обеспечил никакими средствами к существованию. Кроме того, многие женщины хотели, чтобы Фесха был их сутенером. Его разум приходил в беспокойство [9, p. 39].

Интересно, что слово «сестра» упоминается два раза в этом отрывке, и благополучие реальной родственницы, конечно, важнее герою, чем благополучие сестер-соотечественниц. Возможно, ответственность за страдания девушек Фесха испытывает только из-за того, что они эфиопки. Эта коллективная ответственность встречается и у Мэлякэ Тызазу, где Алемнеш так оценивает свой опыт работы проституткой: «Я опозорила себя, своих соотечественников, свою страну».

Национализм является одной из постоянных черт публичного дискурса о миграции в Эфиопии. Этническое происхождение часто имеет ключевое значение для устройства трудовых мигрантов за рубежом, между тем в анализируемых книгах об этом нет и слова. Все выходцы из Эфиопии представляются членами «одной семьи» — братьями и сестрами, попавшими в беду. Несмотря на то что большинство мигрантов прилагает немалые усилия, чтобы уехать из страны, тоска по родине и восхищение Эфиопией встречаются во многих обсуждениях миграции. Одним из ярких символов родины оказывается эфиопская кофейная церемония. Оба автора описывают в деталях проведение кофейной церемонии и отмечают, что она переносит персонажей в атмосферу дома. Дискурс о миграции поляризует образы родины и заграницы, связывая все положительное с Эфиопией и приписывая все ужасы арабским странам.

Страх пронзил Хаят до костей, у нее неожиданно потекли слезы.

Айда не утешала ее. Про себя она думала: «Завтра тебя ждут испытания: сияя щека от избиений, сломанные зубы. Фесха и компания много раз продадут

обратить внимание на улучшение положения тех, кто работает в «легальном» поле ("Migrant Labour in the Persian Gulf" [5, p. 85]).

твое тело, плачь, пока хватит слез. Твои слезы текут за сестер, поцарапанных колючим золотом.

Разве тебе мало плакать из-за того, что здоровье твое иссякло от работы с ночи до утра? Во время работы служанкой, когда ты слышала ворчание твоего господина, разве ты не пела про себя “анчихое”¹⁰. А запах риса у твоих хозяев не напоминал тебе аромат доро уот¹¹, который готовила твоя мама? Когда ты набирала воду, чтобы постирать платье хозяйки, не виделся тебе дым над водопадами Голубого Нила? Хорошо поплачь. За меня, за себя, за всех нас» [9, р. 68–69].

В литературе о трудовой миграции описывается еще одна причина тяжести жизни за рубежом: и Саада Мухаммед, и Мэлякэ Тызазу говорят о главном страхе мигрантов — возвращении домой с пустыми руками. Подобная перспектива наводит ужас на героев из обоих произведений. Необходимость соответствовать ожиданиям родственников не ставится под сомнения, и это вынуждает людей на тяжелый труд и долги. В «Алемнеш» данная проблема описана более подробно, что, наверное, можно объяснить тем, что сам автор живет в Канаде и, возможно, сталкивался с подобной ситуацией.

Было бы неплохо, если бы они просили нас о деньгах, когда сталкиваются с какой-то большой трудностью, но, кажется, кто-то сказал им, что здесь деньги падают дождем! Они хотят, чтобы им деньги отправляли вовремя. Даже не то, что хотят, это наша обязанность! Они заставляют нас чувствовать вину, если им не отправили деньги, и это вынуждает нас к тому, что мы берем здесь в долг. Никто не знает, насколько тяжело, отплатив свой долг, сводить концы с концами. Но дело не только в этом. До того как мы уехали из нашей страны, родные жили простой жизнью и все у них было в порядке, а теперь они ждут наши деньги и живут не по средствам. Это мы их приучили к этому, и они, возможно, уже не хотят, чтобы мы возвращались [11, р. 258].

«Колючее золото» и «Алемнеш» — книги, написанные с разных позиций, но оба произведения воспроизводят негативное отношение к трудовой миграции. Эти книги схожи в том, что нацелены на развенчание мифа, будто за границей легко разбогатеть. Но конкурирующий «миф» невидим в публичном дискурсе, в котором негативное отношение к миграции — абсолютный гегемон. Несмотря на то что трудовая миграция в страны Персидского залива часто меняет жизнь людей к лучшему, герои произведений о миграции — это неудачливые мигранты. Другими словами, едва ли хоть одно публичное высказывание о миграции упоминает положительные стороны этого процесса. Негативный дискурс о миграции принимается самими мигрантами, которые говорят о своем отъезде как о вынужденном решении. Оправдание миграции существует преимущественно в невербальной сфере, оно утверждается модной одеждой, новыми домами, современной техникой. Разговоры о вреде миграции и ее реальные результаты существуют параллельно и будто бы не пересекаются. Но негативный дискурс о миграции, возможно, играет и другую роль — конструирование эфиопской идентичности. Музыка и книги

¹⁰ አንቺካዮ anchihoye — грустная амхарская женская песня.

¹¹ ዶሮ ዎት doro wot — эфиопское острое блюдо с куриным мясом.

о миграции неразрывно связаны с темами любви к родине и сострадания к соотечественникам. Эти темы находят живой отклик у публики. В своей риторике их активно использует как правящая партия, так и ее оппоненты.

Интересно, что многие произведения о трудностях жизни мигранта создаются членами диаспор, но при этом они широко распространяются внутри страны. *Сыд-дэтэня* представляет собой идентичность эфиопа-мигранта, который беззаветно любит свою родину, но вынужден ее покинуть против своей воли, и этот образ находит большое сочувствие среди жителей сегодняшней Эфиопии. Амхарская литература о миграции подчеркивает жесткость повседневной жизни за рубежом, но, вместо того чтобы служить предупреждением, эти тексты усиливают романтический флер вокруг образа мигранта, укрепляют эфиопский национализм и создают своего рода «культуру изгнания», востребованную как внутри страны, так и среди эфиопских диаспор.

Литература

1. Central Intelligennce Agency, The World Factbook-Ethiopia. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/et.html> (дата обращения: 30.01.2017).
2. Migrant-rights, Understanding Kafala: an archaic law at cross purposes with modern development. 11.03.2015. URL: <http://www.migrant-rights.org/2015/03/understanding-kafala-an-archaic-law-at-cross-purposes-with-modern-development/> (дата обращения: 30.01.2017).
3. *de Regt M.* Ways to Come, Ways to Leave Gender, Mobility, and Illegality among Ethiopian Domestic Workers in Yemen // *Gender & Society*. 2010. No. 24 (2). P. 237–260.
4. *Jørgensen M. W., Louise J. Ph.* Discourse Analysis as Theory and Method. London: Sage publication, 2002. 229 p.
5. *Kamrava M., Zahra B.* Migrant Labour in the Persian Gulf. London: Hurst & Company, 2012. 238 p.
6. *Evans-Pritchard E. E.* Nuer Religion. London: Oxford University Press, 1956. 336 p.
7. *Assefa Taye, Shiferaw Bekele.* The Study of Amharic Literature: An Overview // *Journal of Ethiopian Studies*. 2006. Vol. 33, No. 2. P. 27–73.
8. Маслов А. А., Маслова А. А. Ыддыр и ыккуб: похоронные общества как инвестиционный инструмент в Эфиопии // *Петербургская африканистика*. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 96–100.
9. ሰዓዳ ሙሐመድ (*Sāda Māhammād*). እሾሃማ ወርቅ (*əshohama wärq*). Addis Ababa: ሜጋ አሳታሚ ድርጅት: Mega printig, 1999. 218 p.
10. *Carling J.* Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28, No. 1. P. 5–42.
11. ሙላክ ጉዕዝ (*Mälakä Təzazu*). ላለምነሽ (*Alämnäsh*). Toronto: Tana printing, 2013. 296 p.
12. *Anbesse Birke, Charlotte Hanlon, Atalay Alem, Samuel Packer, Rob Whitley.* Migration and Mental Health: A Study of Low-Income Ethiopian Women Working in Middle Eastern Countries // *International Journal of Social Psychiatry*. 2009. No. 55 (6). P. 557–68.
13. ASI (Anti-Slavery Internationalv). Trafficking in women, forced labour and domestic work in the context of the Middle East and Gulf. Anti-Slavery International, 2006. 77 p.
14. *Fernandez B.* Cheap and Disposable? The Impact of the Global Economic Crisis on the Migration of Ethiopian Women Domestic Workers to the Gulf // *Gender & Development*. 2010. No. 18 (2). P. 249–262.
15. *Mesfin Dessiye.* The Challenges and Prospects of Female Labour Migration to the Arab Middle East: A Case Study of Women Returnees in the Town of Girana, North Wollo, Ethiopia. Bergen: University of Bergen, 2011. 115 p.
16. *de Regt M.* Ethiopian Women Increasingly Trafficked to Yemen // *Forced Migration Review*. 2006. No 25. P. 37–38.
17. *Sosena Tsegaye.* The Migration of Ethiopian Female Domestic Workers to Arab Countries: With Special Reference to Returnees. Addis Ababa: Addis Ababa University, 2013. 99 p.

Для цитирования: Стеблин-Каменский Н. И. Тоска по родине, насилие и проституция: амхарская литература о трудовой миграции в страны Персидского залива // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 58–69. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.106.

References

1. Central Intelligence Agency, *The World Factbook-Ethiopia*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/et.html> (accessed: 30.01.2017).
2. Migrant-rights, *Understanding Kafala: an archaic law at cross purposes with modern development*. 11.03.2015. Available at: <http://www.migrant-rights.org/2015/03/understanding-kafala-an-archaic-law-at-cross-purposes-with-modern-development/> (accessed: 30.01.2017).
3. de Regt M. Ways to Come, Ways to Leave Gender, Mobility, and Illegality among Ethiopian Domestic Workers in Yemen. *Gender & Society*, 2010, no. 24(2), pp. 237–260.
4. Jørgensen M. W., Louise J. Ph. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Sage publication, 2002. 229 p.
5. Kamrava M., Zahra B. *Migrant Labour in the Persian Gulf*. London, Hurst & Company, 2012. 238 p.
6. Evans-Pritchard E. E. *Nuer Religion*. London, Oxford University Press, 1956. 336 p.
7. Assefa Taye, Shiferaw Bekele. The Study of Amharic Literature: An Overview. *Journal of Ethiopian Studies*, 2006, pp. 27–73.
8. Maslov A. A., Maslova A. A. Yddyr i ykkub: pokhoronnye obshchestva kak investitsionnyi instrument v Efiopii [Eddär and ekkub: funeral societies as an investment in Ethiopia]. *Peterburgskaia Afrikanistika*. SPbSU, 2008, pp. 96–100. (In Russian)
9. Sāāda Māhammād. *Əshohama wārq [Thorny gold]*. Addis-Ababa, Mega printing, 1999. 218 p. (In Amharic)
10. Carling J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2002, vol. 28(1), pp. 5–42.
11. Mälakä Təzazu. *Alāmnāsh yāārab agār səddātāna [Alāmnāsh, a refugee in the Middle East]*. Toronto, Tana printig. 2013. 296 p. (In Amharic)
12. Anbesse, Birke, Charlotte Hanlon, Atalay Alem, Samuel Packer, Rob Whitley. Migration and Mental Health: A Study of Low-Income Ethiopian Women Working in Middle Eastern Countries. *International Journal of Social Psychiatry*, 2009, no. 55(6), pp. 557–68.
13. ASI (Anti-Slavery International). *Trafficking in women, forced labour and domestic work in the context of the Middle East and Gulf*. Anti-Slavery International, 2006. 77 p.
14. Fernandez B. Cheap and Disposable? The Impact of the Global Economic Crisis on the Migration of Ethiopian Women Domestic Workers to the Gulf. *Gender & Development*, 2010, no. 18(2), pp. 249–262.
15. Mesfin Dessiye. *The Challenges and Prospects of Female Labour Migration to the Arab Middle East: A Case Study of Women Returnees in the Town of Girana, North Wollo, Ethiopia*. Bergen, University of Bergen, 2011. 115 p.
16. de Regt M. Ethiopian Women Increasingly Trafficked to Yemen. *Forced Migration Review*, 2006, no. 25, pp. 37–38.
17. Sosena Tsegaye. *The Migration of Ethiopian Female Domestic Workers to Arab Countries: With Special Reference to Returnees*. Addis Ababa, Addis Ababa University, 2013. 99 p.

For citation: Steblin-Kamenskiy N.I. Homesickness, Violence and Prostitution: Amharic Literature on Labour Migration to the Gulf States. *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2017, vol. 9, issue 1, pp. 58–69. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.106.

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 24 ноября 2016 г.

Контактная информация

Стеблин-Каменский Николай Иванович — аспирант; oromay@yandex.ru
Steblyn-Kamenskiy Nikolay I. — PhD student; oromay@yandex.ru